

МЕТОДОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ EDUCATIONAL METHODOLOGY

Научная статья
УДК 378+81'13
DOI 10.20310/1810-0201-2022-27-5-1127-1136

Философско-методологические стратегии изучения языка: формализация и контекстуализация

Николай Владимирович МЕДВЕДЕВ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
mnv88@mail.ru

Аннотация. Изучение языка как средства общения, хранения и передачи человеческого опыта привело к формированию в научном познании двух разных философско-методологических стратегий: одна, основанная на теории множеств, рассматривает язык с точки зрения его формальной структуры; другая, опирающаяся на теорию систем, интерпретирует язык как носителя информации, как знаковую информационную систему. Обосновано, что эти стратегии исследования языка следует характеризовать не столько как конкурирующие, сколько как взаимно дополняющие друг друга, помогающие раскрыть специфику лингвистического феномена. Основной тезис исследования сведен к утверждению, что высказывание, прежде чем оно станет составным компонентом социального знания, должно пройти процедуру «фильтрации» по двум различным критериям отбора. Первый критерий является контекстуальным, когда из содержания предложения извлекается доступная для понимания информация. Второй – логический – предполагает «фильтрацию» истинных суждений на основе принятых в науке формальных требований. В то время как формально-логическая стратегия исследования языка довольно подробно описана в научной литературе, системный подход к его изучению нуждается в более основательной проработке и практическом освоении. Примером упомянутой двойной фильтрации предложения, осуществляемой на логико-информационной основе, может служить парадокс лжеца. Несмотря на то, что многие специалисты воспринимают высказывание лжеца «Я лгу» как логический парадокс, однако, он не влияет на наше понимание естественного языка и его использование в когнитивных целях. В результате проведенного исследования выявлена взаимосвязь процессов формализации и контекстуализации как двух ключевых философско-методологических подходов к исследованию языка.

Ключевые слова: язык, методологическая стратегия, теория систем, формализация, контекстуализация, фильтрация информации, коммуникация, парадокс лжеца

Для цитирования: Медведев Н.В. Философско-методологические стратегии изучения языка: формализация и контекстуализация // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гума-

литературные науки. 2022. Т. 27, № 5. С. 1127-1136. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2022-27-5-1127-1136>

Original article
DOI 10.20310/1810-0201-2022-27-5-1127-1136

Philosophical and methodological strategies for language learning: formalization and contextualization

Nikolay V. MEDVEDEV

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
mnv88@mail.ru

Content of the journal is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)
Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

© Медведев Н.В., 2022

Abstract. The study of language as a means of communication, storage and transmission of human experience has led to the formation of two different philosophical and methodological strategies in scientific cognition: one, based on the theory of sets, considers language from the point of view of its formal structure; the other, based on the theory of systems, interprets language as a carrier of information, as a sign information system. It is proved that these strategies of language research should be characterized not so much as competing, but as mutually complementing each other, helping to reveal the specifics of the linguistic phenomenon. The main thesis of the study is reduced to the statement that an utterance, before it becomes an integral component of social knowledge, must undergo a “filtration” procedure according to two different selection criteria. The first criterion is contextual, when understandable information is extracted from the content of the sentence. The second – logical – involves the “filtering” of true judgments based on formal requirements accepted in science. While the formal-logical strategy of language research is described in some detail in the scientific literature, a systematic approach to its study needs more thorough elaboration and practical coping. An example of the mentioned double filtering of a sentence, carried out on a logical and informational basis, can be the liar's paradox. Despite the fact that many experts perceive the liar's statement “I'm lying” as a logical paradox, however, it does not affect our understanding of natural language and its use for cognitive purposes. As a result of the conducted research, the interconnection of the processes of formalization and contextualization as two key philosophical and methodological approaches to the study of language is revealed.

Keywords: language, methodological strategy, systems theory, formalization, contextualization, information filtering, communication, liar's paradox

For citation: Medvedev N.V. Filosofsko-metodologicheskiye strategii izucheniya yazyka: formalizatsiya i kontekstualizatsiya [Philosophical and methodological strategies for language learning: formalization and contextualization]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2022, vol. 27, no. 5, pp. 1127-1136. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2022-27-5-1127-1136> (In Russian, Abstr. in Engl.)

ВВЕДЕНИЕ

Язык как средство хранения и трансляции человеческих знаний является стабиль-

ным объектом разнообразных научных исследований. В современных лингвофилософских исследованиях широкое распространение получил логико-конструктивистский подход,

базирующийся на ряде представлений относительно природы языка и закономерностей его функционирования. Возникновение этих представлений связано с некоторыми теоретическими обобщениями в области лингвистики, проявляющей неизменный интерес в содержательной стороне языка, а также с разработкой программы формализации мышления, которая, по убеждению ее основоположника Г. Лейбница, призвана окончательно решить вопрос об условиях достижения истинного знания [1, с. 494-495]. Безусловно, идеи, разработанные современными лингвистами, в частности, тезис о синтаксической эффективности, в соответствии с которым осмысленными признаются только грамматически правильно построенные предложения, а также тезис о семантической связи слов языка и мира, оказали плодотворное влияние на методологию и практику лингвистического анализа. Эти идеи были дополнены постулатами формализации, в соответствии с которыми синтаксическая правильность является достаточным условием для получения вывода об истинности или ложности конкретного высказывания, и что семантика реализуется через набор возможных моделей класса предложений, которые соответствуют действительности.

Однако формальный подход к языку, в соответствии с установками теорий систем, представляет собой процедуру редукции, которая подлежит проверке на предмет ее способности восстанавливать исходные функции системы. Несмотря на то, что подобная редукция сохраняет интуитивно признанное различие между истинными и ложными высказываниями, все же она не позволяет воссоздать информационное содержание естественного языка. Причина данного обстоятельства заключается в том, что семантический контекст предложений обусловлен не только определенными онтологическими допущениями, но и полезностью той информации, которая содержится в самих этих предложениях.

Целью исследования является рассмотрение соотношения двух различных стратегий изучения языка, ориентированных на

процедуры формализации и контекстуализации. Мы постараемся обосновать, что эти два разных подхода к исследованию языка следует характеризовать не столько как конкурирующие, сколько как взаимно дополняющие друг друга, помогающие раскрыть специфику лингвистического феномена.

ФОРМАЛИЗАЦИЯ В РАКУРСЕ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА

Естественный язык зачастую трактуется современными исследователями как знаковая информационная система, которая при определенных, предварительно заданных условиях может быть преобразована в формально-логическую структуру. В качестве примера здесь может быть приведена логика первого порядка в математике, известная как логика предикатов, в которой количественные переменные используются вместо нелогических объектов. Кажется, что этого условия вполне достаточно для объяснения структур, выраженных, например, в виде класса определенных объектов (или множеств). Процесс формализации системы, таким образом, основывается на требовании принимать во внимание только ее вид и порядок символов [2, с. 130-132]. При описании структуры формализованного языка рассуждают только о форме его выражений [3, с. 97]. Однако вторая теорема Гёделя о неполноте, согласно которой непротиворечивость какой-либо формальной логической системы не может быть доказана средствами этой системы [4], демонстрирует пределы подобной редукции. Другими словами, всякая процедура редукции системы, подразумевающая сведение ее к унифицированному языку, есть упрощающая идеализация, которая допустима, но лишь до определенной степени.

Сведение естественного языка к чисто формальной структуре, на наш взгляд, лишает его характерного признака – динамизма. Деятельностная природа лингвистического феномена открывается в виде способности слов изменять свое значение в ходе языковой практики. Обсуждение таких изменений, несомненно, является интересной, но весьма

сложной и кропотливой задачей. В этой связи весьма перспективным для преодоления указанной трудности нам представляется путь через применение исторического (эволюционного) подхода, который может служить объективной основой для понимания «потока» значений и механизма образования новых слов или фраз. Следует подчеркнуть, что язык как социальный феномен был создан людьми для решения их жизненно-практических проблем. Схемы поведения людей в рамках определенной формы общественной деятельности согласуются с принятым в данное время мировоззрением, то есть имеют исторически обусловленный характер. Отсюда значения языковых выражений, которые употребляются людьми для обозначения вещей и событий в мире, нужно рассматривать как продукт исторической эволюции [5, p. 330].

К сожалению, лингвисты настолько привыкли к редукционизму, что им представляется невозможным подходить к обсуждению любого вопроса о системах без использования процедуры редукции. Редукции позволяют нам проанализировать ту или иную проблему математическим способом, даже если вне поля зрения оказываются некоторые аспекты разбираемой системы. Теория систем служит инструментом для регулярного использования подобных редукций. Чтобы исследовать систему языка, нужно изучить ее организацию, «соотношение внутренних частей языкового комплекса и его взаимодействие с системами, составляющими внешнюю среду» [6, с. 76]. Поэтому специалисты, как правило, обсуждают обоснованность редукции [7] и применяемой при этом процедуры идеализации. Кажется, что разнообразные виды редукции могут служить нам эффективным средством, позволяющим досконально изучить языковую систему. Но в этом случае нельзя упускать из вида информационное содержание языка.

Использование системного подхода к изучению языка может служить предпосылкой для постижения его утилитарной функции как средства, используемого для обмена

информацией. Качество полезности, как правило, учитывается нами при оценке любого устного или письменного высказывания. С одной стороны, полезность всегда соотносится с субъектом познания (и коммуникации), с другой – с достижением им конкретной прагматической цели. В то время как эмпирическое сознание познающего субъекта традиционно связывается с областью психологии, отношение к цели может быть рассмотрено исследователем вне зависимости от влияния психологического фактора. По крайней мере, при условии, что субъект оперирует отдельными интуитивно схватываемыми предположениями.

Когнитивные личности имплицитно принимают за безусловный принцип следующую мысль о знании: целью человеческих знаний является адекватное постижение окружающего мира. Поэтому полезной можно признать любую информацию, которая помогает людям понять и адаптироваться к окружающему миру, тогда как бессмысленные или противоречивые высказывания не должны подлежать вниманию, так как не представляют для них особый интерес. Это вовсе не означает, что противоречивые или парадоксальные утверждения не содержат некоторую информацию, имеющую контекстуальную значимость. Так, полезность научных высказываний являлась настолько важной характеристикой по мнению отдельных философов, что они предложили заменить понятие истины понятием полезности как критерием приемлемости. Например, один из основоположников философии прагматизма У. Джеймс говорил: «Когда какой-нибудь элемент опыта – какого бы рода он ни был – внушает нам истинную мысль, то это означает лишь, что мы позже или раньше сумеем с помощью этой мысли войти в конкретную обстановку опыта и завязать с ней выгодные связи» [8, с. 286]. На наш взгляд, данный постулат можно признать оправданным, прежде всего, в следующем аспекте: познающие субъекты, то есть люди, действительно нуждаются в эффективном знании для того, чтобы научиться выживать в современ-

ном мире. Именно поэтому дарвиновская идея естественного отбора как ведущий фактор эволюции предпочитает истине полезность.

«ФИЛЬТРАЦИЯ» ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Прежде чем определенное предложение становится компонентом индивидуального и общественного знания, оно должно пройти через фильтр логических требований (принципов, законов), назовем этот фильтр «логическим». Логический фильтр используется в качестве критерия для установления допустимого (истинностного) значения высказывания. Отметим также, что только истинные суждения, вне зависимости от принятых в научном сообществе интерпретаций философского понятия истины, способны обогатить человеческие представления о действительности. Однако в естественном языке, помимо логического, используется и другой критерий, при помощи которого осуществляется подбор возможных кандидатов для высказываний на получение характеристики истинностного значения. Обозначим этот критерий термином «информационный фильтр».

Фильтрация информации сама по себе не выступает как исключительно психологический процесс. Критерии, которые используют человеческие индивиды, как разумные существа, для осуществления выбора между важной и/или не очень важной информацией на основе достигнутой языковой компетенции, объективно проверяются в ходе речевой деятельности.

Удачным примером процесса «фильтрации информации» в естественном языке является проводимая коммуникантами операция по разграничению риторических вопросов и вопросов о содержании информации, выражающих стремление человека получить новое, более полное и точное знание. Так, всякий разумный человек, обладающий достаточным уровнем языковой компетентности, не станет отвечать на обращенный к нему риторический вопрос, в то время как оставление без ответа вопроса о содержании информации может быть воспринято други-

ми людьми не просто как проявление невежливости со стороны собеседника, а как явное нарушение коммуникативного аспекта речи.

Другим примером процедуры фильтрации информации в естественном языке могут служить те обязательства, которые налагаются на ученых в случае подготовки ими отчетов о ходе и результатах проведенных экспериментов. Когда исследователь проводит экспериментальную работу, он доверяет той информации, которая была им получена на основе применяемых научных методов. Критерии для осуществления разграничения между правильными или неправильно подготовленными экспериментами относятся к области конкретного научного знания и, по всей видимости, не являются сугубо лингвистическими по своему наполнению. Однако на базе естественного языка критерии объективируются в форме истинных утверждений ученого в содержании его отчета об итогах экспериментальной работы. Эти истинные утверждения в научной практике также демонстрируют, как осуществляется «фильтрация» информации в естественном языке.

Схожая процедура «информационной фильтрации» неявно проводится исследователями при анализе «мысленных экспериментов», контекст которых всегда ограничен содержанием теории. Наиболее характерным случаем применения «фильтрации» информации учеными является построение научных теорий. Метафизические концепции в таком случае могут служить теоретическим основанием для присвоения значения объектам, отношениям между объектами, их динамическим свойствам и т. д. Метафизика образует своего рода совокупность архетипов символического мышления. Данное мышление не устанавливает точное значение символа, потому что требуемое определение просто нереализуемо на практике. Сами символы носят метафорический характер. Это означает, что любая конкретизация символа обуславливается сопутствующим социально-культурным контекстом. Любая научная теория неизбежно использует метафизические понятия, которые, становясь теоретическими

терминами, входят в состав более широкого мировоззрения. Примерами такого рода слов являются онтологические понятия, такие как «субстанция», «время», «пространство», «причинность», «закономерность» и др. В рамках теории мы можем осуществлять процедуру, например, как измерять время, но акт оправдания такой процедуры выходит за рамки теоретической системы и основан на метафизических убеждениях, характерных для современной стадии эволюции социально-культурной реальности. Символы функционируют повсеместно, их значения изменяются в зависимости от пространственно-временных факторов.

Следует отметить, что подобная ситуация имеет место и в этике. Моральные нормы остаются универсальными по форме своего выражения, но их интерпретация может изменяться в зависимости от культурного и исторического контекста, причем иногда такие изменения довольно значительны. Как заметил американский антрополог К. Гирц: «Что толку утверждать, что «мораль – универсальна, равно как и чувство красот или некая норма истин», если уже в следующей фразе вынужден добавить, что «разнообразные формы, в которые облакаются эти понятия, есть не что иное, как продукты определенного исторического опыта обществ, в которых они проявляются» [9, с. 52].

Вышеизложенные аргументы убеждают нас в значимости метафизики как области философского знания для научного познания и дискурсивной практики. Метафизика – это не просто «бессмысленные предложения»; она выступает смыслопорождающим источником фундаментальных понятий. Чтобы процесс говорения смог начаться, мы должны предположить наличие «получателя» информации. Например, чтобы заниматься физикой, человек должен предположить, что действительно существуют физические объекты (сущности), обозначенные теоретическими понятиями, – электроны, поля, кванты и т. п. Затем человек может попытаться точно определить их значения, опираясь на свои прежние символические конструкции. Даже

если их семантическая конкретизация не является вполне точной, передача информации об объектах все же возможна благодаря наличию универсальных культурных символов. Без такого понимания не было бы возможно построение теории. На начальной, эвристической стадии научного поиска теоретические понятия не представлены в виде точных и ясных дефиниций, однако, обмен информацией и ее отбор все же происходит. Причем постепенно масштабы этого процесса становятся возрастающими.

Фильтрация информации метафизических высказываний едва ли может быть принята нами на уровне индивидуального эмпирического сознания. Основная метафизика (шире – философия) скорее является intersубъективной верой большинства людей. Данное убеждение основывается на принципах прагматизма. Метафизические гипотезы не могут быть непосредственно верифицированы или фальсифицированы. До тех пор, пока имеется достаточное число определенных метафизических утверждений, объясняющих общие закономерности и развитие мира, они не вызывают сомнения у большинства людей и рассматриваются как бесспорные истины. Метафизические понятия, за исключением основополагающих категорий (онтологических, гносеологических, аксиологических), обычно находятся на периферии внимания человеческих индивидов и не воспринимаются ими всерьез. Однако, когда теоретические модели, основанные на доминирующем убеждении, перестают работать, то есть не справляются с возникающими в жизни и научной деятельности мировоззренческими «головоломками», тогда «периферические» понятия получают «зеленый свет». В конкурирующей борьбе теорий выигрывает только одна из концепций, а именно та, которая лучше всего отвечает эмпирическим данным, а также та, которая согласуется с другими имеющимися, корректно функционирующими теориями. Весь этот процесс развития научного знания напоминает естественный отбор в неodarвинистской теории эволюции [10].

Таким образом, характерная особенность процесса фильтрации информации заключается в его обусловленности контекстом. Можно также утверждать, что истина как цель научного поиска обретает свое значение в контексте позитивистского правила – необходимости доверять экспериментальной проверке. Это лучшее, что у нас есть в качестве критерия истинного знания. Мы убедились, что субъект познания способен распознавать риторические вопросы, осуществлять поиск и отбор информации в контексте грамматической структуры вопроса.

Попробуем подкрепить справедливость полученного вывода через анализ логического «парадокса лжеца». Этот пример позволит нам наглядно продемонстрировать, как происходит процесс «фильтрации» информации.

Парадокс лжеца, сформулированный Эпименидом-критянином в IV веке до нашей эры, может быть представлен в различных формах. Мы будем использовать этот парадокс в самой простой форме, которая выглядит так: «Какой-то человек приходит к нам и говорит: «Я лгу». Если он лжет, то ложно, что он лжет, и следовательно, он говорит правду; но если он говорит правду, то лжет, ибо именно это он утверждает. Отсюда неизбежно возникает противоречие» [11, с. 22].

Стандартная логическая проблема возникает в результате поиска правильного ответа на вопрос: является ли утверждение «лжеца» истинным или ложным? Типовое решение разбираемого парадокса заключается в том, чтобы попытаться максимально сузить спектр приемлемых вариантов предложений, чтобы предотвратить конструкцию высказывания лжеца, основанной на самореференции. Такое решение происходит непосредственно от применения одного из постулатов формализации: синтаксическая правильность является достаточным условием, чтобы сделать вывод об истинности или ложности конкретного предложения. Это можно реализовать при помощи логических операций на основе анализа формальной структуры языка, но нельзя осуществить в естественном языке, структура которого не задана точно [3, с. 98].

Важно отметить, что парадокс лжеца редко рассматривается как логическая проблема на естественном языке. Объяснение этому довольно простое. Если подойти к изучению этой проблемы с точки зрения «фильтрации» информации, то она не ограничивается только установлением логического значения утверждения лжеца. Такое логическое действие ничего нам не даст, если мы не знаем, выступает ли лжец в качестве источника информации, которой можно доверять. Прежде всего, мы должны решить, можно ли доверять источнику информации, и только после этого попытаться установить логическое значение предложения, содержащего определенную информацию. Лжец не является надежным источником информации, именно поэтому ни одно предложение, исходящее из этого источника, не заслуживает доверия, и само требование проведения его логического анализа может быть проигнорировано нами.

Однако было бы неверно думать, что из утверждения лжеца мы ничего не можем извлечь. Та информация, что такому человеку нельзя доверять, может оказаться весьма полезной для нас, особенно если он собирался предоставить нам несколько больше сведений, часть которых может оказаться противоречивой. Истолкование «лжеца» как лжеца включает в себя, таким образом, правило эпистемологического скептицизма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вышеописанные философско-методологические стратегии исследования языка исходят из разных представлений о его природе и характере функционирования. Формально-логическая стратегия, основанная на теории множеств, рассматривает механизм работы лингвистического феномена в соответствии с правилами логического исчисления; она строится на убеждении, что структура естественного языка может быть четко выражена в виде формул символической логики. Такой подход, по замыслу его защитников, позволяет устранить фундаментальные концептуальные заблуждения, возникающие

в процессе коммуникации. Контекстуально-информационная стратегия, напротив, отталкивается от представления о языке как системном образовании, как неотъемлемой части жизненного мира людей [12, с. 100-103]. А потому значение языковых знаков интерпретируется сторонниками данной стратегии как их употребление в специфических ситуациях. Утверждается необходимость при определении значения слов и предложений ориентироваться на контекст их употребления, а также учитывать тот факт, что информационное содержание высказывания выражает некоторые субъективные намерения человека.

Рассмотренные нами методологические стратегии изучения языка следует характеризовать не столько как конкурирующие, сколько как комплементарные, взаимно дополняющие друг друга. Они служат объяснению природы языка как сложного системного образования и указывают на недостаточность его постижения с позиции одного подхода. Формально-логический и контекстуально-информационный подходы обнаруживают свои конструктивные возможности на разных этапах исследования языка. Понимание необходимости сочетания этих двух методологических стратегий в практике лингвистического анализа может быть достигнуто нами через осмысление причин нарушения коммуникативного процесса, возникновение концептуальных замешательств, поможет избежать крайностей в трактовке сущности языка [13, с. 228].

Было показано, что язык функционирует как субстанциальный носитель информации. Это утверждение подразумевает важные следствия для теории значения, логического анализа предложений и культурно-образовательной практики. Изложенная аргументация показывает, что методологические стратегии изучения языка проявляются в коммуникативно-познавательной деятельности людей в виде двух последовательных процессов фильтрации знания – информационного и логического. Было показано, что язык науки, помимо логического содержания, выполняет коммуникативную функцию. Эта функция составляет основу научной деятельности как особого вида культурной практики. Таким способом наука адаптирована в культурной среде, а метафизические метафоры выполняют важную функцию в формировании основ культурной деятельности человека. Язык науки, несмотря на обязательную конкретизацию научных терминов, наследует некоторые метафизические идеи, которые выступают своеобразными информационными фильтрами.

На наш взгляд, плодотворное изучение языковой системы может быть достигнуто на основе гармоничного сочетания проанализированных в работе стратегий наряду с применением исторического подхода, который учитывает роль культурных традиций, генетическую и культурную эволюцию в формировании структур языкового мышления.

Список источников

1. *Лейбниц Г.В.* Об универсальной науке, или философском исчислении // Лейбниц Г.В. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 3. С. 494-500.
2. *Светлов В.А.* Философия математики. Основные программы обоснования математики XX столетия. М.: КомКнига, 2010. 208 с.
3. *Тарский А.* Семантическая концепция истины и основания семантики // Аналитическая философия: Становление и развитие: Антология: пер. с англ., нем. М.: Дом интеллектуальной книги; Прогресс-Традиция, 1998. С. 90-129.
4. *Gödel K.* On formally undecidable propositions of principia mathematica and related systems // Gödel K. Collected Works / eds. by S. Feferman et. al. Oxford: Oxford University Press, 1986. Vol. 1. P. 145-195.
5. *Rescher N.* Conceptual schemes // Midwest Studies in Philosophy / eds. by P.A. Uehling, H.K. Wettstein. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1980. P. 323-345. <https://doi.org/10.1111/j.1475-4975.1980.tb00410.x>

6. Харитоновна И.В., Золотухин Д.С., Матвеева А.А. Системный подход к исследованию языка. М.: Изд-во МПГУ, 2016. 296 с.
7. Микешина Л.А. Редукционизм как проблема философии науки и эпистемологии // Эпистемология и философия науки. 2013. Т. 37. № 3. С. 5-13.
8. Джеймс У. Воля к вере. М.: Республика, 1997. 431 с.
9. Гири К. Интерпретация культур: пер. с англ. М.: Рос. полит. энцикл., 2004. 559 с.
10. Докинз Р. Эгоистичный ген. М.: ООО «Изд-во АСТ», 1989. 512 с.
11. Рассел Б. Мое философское развитие (главы 5, 7) // Аналитическая философия: избр. тексты / сост., вступ. ст. и коммент. А.Ф. Грязнова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. С. 11-28.
12. Медведев Н.В., Медведева Е.Е. Методологический потенциал перформативной модели языка в изучении культуры // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8. № 1. С. 99-107.
13. Медведев Н.В. Философско-методологические проблемы кросс-культурной интерпретации. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2007. 248 с.

References

1. Leybnits G.V. Ob universal'noy nauke, ili filosofskom ischislenii [About universal science, or philosophical calculus]. In: Leybnits G.V. *Sochineniya: v 4 t.* [Essays: in 4 vols.]. Moscow, Mysl Publ., 1984, vol. 3, pp. 494-500. (In Russian).
2. Svetlov V.A. *Filosofiya matematiki. Osnovnyye programmy obosnovaniya matematiki XX stoletiya* [Philosophy of Mathematics. Main Programs of Justification of Mathematics of the 20th Century]. Moscow, KomKniga Publ., 2010, 208 p. (In Russian).
3. Tarskiy A. Semanticheskaya kontseptsiya istiny i osnovaniya semantiki [The semantic concept of truth and the foundations of semantics]. *Analiticheskaya filosofiya: Stanovleniye i razvitiye* [Analytical Philosophy: Formation and Development]. Moscow, Intellectual Book House Publ., Progress-Traditsiya Publ., 1998, pp. 90-129. (In Russian).
4. Gödel K. On formally undecidable propositions of principia mathematica and related systems. In: Gödel K. *Collected Works*. Oxford, Oxford University Press, 1986, vol. 1, pp. 145-195.
5. Rescher N. Conceptual schemes. *Midwest Studies in Philosophy*. Minneapolis, University of Minnesota Press, 1980, pp. 323-345. <https://doi.org/10.1111/j.1475-4975.1980.tb00410.x>
6. Kharitonova I.V., Zolotukhin D.S., Matveyeva A.A. *Sistemnyy podkhod k issledovaniyu yazyka* [A Systematic Approach to Language Research]. Moscow, Moscow Pedagogical State University Publ., 2016, 296 p. (In Russian).
7. Mikesheva L.A. Reduktsionizm kak problema filosofii nauki i epistemologii [reductionism as a problem of philosophy of science and epistemology]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*, 2013, vol. 37, no. 3, pp. 5-13. (In Russian).
8. James W. *Volya k vere* [The Will to Believe]. Moscow, Respublika Publ., 1997, 431 p. (In Russian).
9. Geertz C. *Interpretatsiya kul'tur* [The Interpretation of Cultures]. Moscow, Publishing House "Politicheskaya enciklopediya", 2004, 559 p. (In Russian).
10. Dawkins R. *Egoistichnyy gen* [The Selfish Gene]. Moscow, LLC "AST" Publ., 1989, 512 p. (In Russian).
11. Russell B. Moye filosofskoye razvitiye (glavy 5, 7) [My Philosophical Development (chapters 5, 7)]. *Analiticheskaya filosofiya* [Analytical Philosophy]. Moscow, Moscow State University Publ., 1993, pp. 11-28. (In Russian).
12. Medvedev N.V., Medvedeva E.E. Metodologicheskii potentsial performativnoy modeli yazyka v izuchenii kul'tury [Methodological potential of performative model of language in study of culture]. *Nauchno-tekhnicheskiye vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki – Saint Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*, 2017, vol. 8, no. 1, pp. 99-107. (In Russian).
13. Medvedev N.V. *Filosofsko-metodologicheskiye problemy kross-kul'turnoy interpretatsii* [Philosophical and Methodological Problems of Cross-Cultural Interpretation]. Tambov, Derzhavin Tambov State University Publ., 2007, 248 p. (In Russian).

Информация об авторе

Медведев Николай Владимирович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и философии, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, ORCID: [0000-0002-9941-7732](https://orcid.org/0000-0002-9941-7732), mnv88@mail.ru

Статья поступила в редакцию 25.08.2022
Одобрена после рецензирования 22.09.2022
Принята к публикации 20.10.2022

Information about the author

Nikolay V. Medvedev, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of History and Philosophy Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, ORCID: [0000-0002-9941-7732](https://orcid.org/0000-0002-9941-7732), mnv88@mail.ru

The article was submitted 25.08.2022
Approved after reviewing 22.09.2022
Accepted for publication 20.10.2022